
ЭКЗОГЕННОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ (сравнительно-исторический анализ)

ВАРДГЕС ПОГОСЯН

**История без социологии слепа,
социология без истории пуста.
*Норман Готвальд***

В конце XX в. проблемы взаимоотношения цивилизаций выдвинулись в гуманитарных науках на ведущие позиции. В фокусе внимания оказалось столкновение цивилизаций, поиски и определение идентичности, суть, условия, механизмы и перспективы их диалога. Вследствие этого в общественном сознании и научном дискурсе произошли глубокие изменения. Диалог цивилизаций может рассматриваться как межцивилизационные взаимодействия социокультурного типа (культурный симбиоз, синтез), которые осуществляются в виде разнообразных коммуникативных актов с ситуативными и вероятностными результатами.

Длительные социокультурные контакты, притяжение и отталкивание мировых и локальных цивилизаций как социальных систем обращает исследователей к предметному полю исторической социологии, которая сочетает масштабное понимание и конкретные исследования с помощью социологического анализа исторического развития, с использованием исторических данных для верификации социальных концепций и построения модифицированных теорий. Э. Дюркгейм отмечал, что "объяснить сколько-нибудь сложный социальный факт можно, только проследив весь процесс его развития во всех социальных видах"¹, и называл использование социологом данных истории методом "косвенно экспериментальным или сравнительным"². Применение сравнительно-исторического метода в известном смысле и есть задача исторической социологии.

Генезис исторической социологии восходит к трудам А. Токвиля, К. Маркса и М. Вебера и получает развитие в работах неомарксистов, а также представителей мирсистемного подхода. Историческую социологию как поиск общего (всеобщего) в историческом процессе рассматривал В. Ключевский. В этом же направлении работал П. Сорокин, анализируя циклы социально-исторического процесса. Определенный вклад в развитие исторической социологии внесли работы Я. Алстеда, Ш. Айзенштадта.

В рамках заявленной проблематики процессы социального синтеза, конвергенции, модернизации, культурного симбиоза интерпретируются как следствия межцивилизационных социокультурных взаимодействий, как адаптивная реакция социальной системы на внешнее, экзогенное воздействие.

¹ Дюркгейм Э. Социология. М., 1995, с. 151.

² Там же, с. 139.

Экзогенное воздействие происходит во время "столкновения» или "диалога» цивилизаций: торговли, миграции населения, войн, путешествий, развития средств массовой коммуникации, когда происходит распространение инноваций, в том числе их импорт в определенное общество, что в свою очередь служит важнейшим механизмом социальных изменений. Соответствующее теоретическое обоснование, детальная аргументация и аналитический материал, релевантный выдвигаемой гипотезе, изложены в монографических работах автора³.

На то обстоятельство, что масштабные социальные изменения в одной стране оказывают воздействие на другие страны, указывал Р. Бендикс. Вместе с тем он отмечал, что любая страна, оказавшись в новой исторической ситуации, испытывала сильное влияние существующих образцов. При этом в каждом случае процессы межцивилизационных социокультурных взаимодействий обладают специфическими чертами, обусловленными историко-культурными особенностями региона, а исторически сложившиеся социальные структуры даже в кризисных ситуациях оказываются чрезвычайно устойчивыми и с трудом поддаются разрушению⁴.

История знает немало социетальных преобразований, вызванных экзогенными причинами. Необходимость перенять оружие, военные и государственные порядки, экономические инновации, культуру соседних стран и народов диктовалась отдельным этносам практическими вопросами элементарного выживания. К числу первых известных ускоренных мобилизационных преобразований, вызванных экзогенным воздействием, относится военная модернизация в XVIII – XVII вв. до н. э. Египет и небольшой торговый город Ашшур создали собственные колесничные войска и перенимали тактику ведения войны у противника; это позволило населяющим их народам в ряду немногих выжить во время арийского нашествия, порожденного изобретением боевой колесницы.

В конце II тысячелетия фундаментальное открытие совершили халибы, обитавшие в горах Армении. Вплоть до средних веков плавильные печи не давали достаточной температуры для плавки железа, но халибы придумали способ избавляться от шлака путем длительнойковки. Первыми обладателями железных мечей, заменивших бронзовое оружие, стали горцы Армении, урарты; в VIII в. до н. э. началась экспансия Урарту в отношении соседних стран⁵. Военная угроза привела к установлению в Ашшуре диктатуры. Царь Тиглатпаласар III в VIII в. до н. э. создал первый полк воинов-профессионалов, вооруженных железными мечами⁶. Спешная модернизация явилась ответом на внешний вызов, но в процессе ее было совершено собственное фундаментальное открытие, переворот в военном деле, что породило волну ассирийских завоеваний.

³ См. **Погосян В. Г.** Цивилизация: от локального к глобальному Граду. Донецк, 2008, с. 99–122.; **Погосян В. Г.** Социальная модернизация: стратегия выживания. М., 2009.

⁴ См. **Тёрнквист Р.** Историко-эмпирическая социология // Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992, с. 260–303.

⁵ **Арутюнян Н. В.** Биайнили–Урарту. Военно-политическая история и вопросы топонимики. СПб., 2006, с. 48.

⁶ См. **Садаев Д. Ч.** История Древней Ассирии. М., 1979, с. 72.

Длительное время именно этот регион являлся источником большинства инноваций. Соседние с ним страны в борьбе за выживание перенимали в процессе непионерских, догоняющих модернизаций оружие, военные и государственные порядки, отдельные культурные элементы Двуречья, Египта, Финикии, распространившиеся затем по всему миру.

Вторгшиеся в VII в. до н. э. в Иран скифские племена вскоре осели там и смешались с родственными индоарийскими собратьями. Инновационное привнесение скифов – стрельба на скаку из лука – было освоено персами и способствовало возникновению Персидской империи. В свою очередь, экспансионистская политика персов привела к оттоку греческого населения из Малой Азии. Возвращаясь в Грецию, оно привозило с собой заимствованную технику и технологии, послужившие материальной основой торгово-промышленного развития Афин, в частности отложенного товарного производства (промышленные изделия в обмен на хлеб из колоний).

Цивилизации Ближнего Востока, Европы и Индии были связаны многими нитями и в известном смысле составляли одно целое. Его центр находился в Передней Азии и оказывал определяющее воздействие на соседние общества, вынуждая их модернизироваться по своему образцу. История периферийных областей в значительной степени сводилась к процессам модернизации, заимствования государственного устройства, религии и культуры.

Западная цивилизация, ныне претендующая на особую роль, в период своего становления равнялась на восточные образцы. Событием, определившим на долгие века судьбы Европы и сформировавшим облик европейского средневековья, стала реформа Карла Мартелла.

В 725 г. в сражении при Арле франкское пешее ополчение, вооруженное секирами, было окружено тяжелой арабской конницей и разгромлено. Военная угроза продиктовала франкам необходимость спешно создать собственное конное войско. Воинам-вассалам были розданы деревни с крестьянами, чтобы они смогли купить коня и тяжелое вооружение. Эта система содержания конных воинов была позаимствована у арабов и называлась на Востоке "икта", на Западе – "бенефиций". Ввиду нехватки свободных земель из-за розданных ранее аллодов (наследственных земельных владений) Карл Мартелл провел частичную секуляризацию церковных земель, а фактически экспроприировал крупного собственника. Эта система позволила ему создать мощную конницу, ставшую ядром франкской армии. В 732 г. рыцарское войско Карла Мартелла одержало победу над арабами и вынудило их отступить за Пиренеи. Франки, таким образом, защитили Европу от арабского завоевания. Более того, усилившись благодаря преобразованиям, они завоевали всю Западную Европу⁷.

Реформа Карла Мартелла послужила основой феодальных отношений в Европе. Его военная модернизация по арабскому образцу носила мобилизационный характер (ускоренные темпы, конфликт с церковью, у которой отбирались земельные владения). Она включила в себя смену экономической системы и соответствующие институциональные преобразования, но не изменила (и не ставила такой цели) социокультурных основ франкского общества (религию, быт, уклад жизни, самоидентификацию).

⁷ См. **Тейс Л.** Наследие Каролингов // Новая история средневековой Франции. Т. 2. М., 1993.

Идея о том, что превосходство западной цивилизации над другими, при котором она предстает исключительным носителем идеи прогресса, обусловлено логикой ее развития, и сегодня представляется спорной. В контексте же всемирной истории ответ на подобный вопрос однозначен. Родина человеческой цивилизации – Восток, где уже четыре тысячи лет назад существовали могущественные социалистические империи.

Под социалистическими империями мы понимаем общество, наделенное жесткой организационной структурой и регламентирующее общественные отношения с целью противостоять внутренним или внешним угрозам; организация военных сил государства, распределение продуктов питания и земли по соображениям социальной справедливости или военной целесообразности. В случае нарушений в системе государственного регулирования представители военного сословия или чиновничьего аппарата овладевают государственной властью и используют имперскую организацию в своекорыстных целях; происходит феодализация, которая приводит к распаду империи. Основу такого типа политической организации составляют: сильный правитель, жесткая вертикаль власти, четкая иерархия, приоритет исполнительной власти. Реформы на протяжении столетий касаются только символов. Доминирующий культурный архетип – этатизм и патернализм. Отражением данного алгоритма является то, что в сознании народа сильное социальное государство выступает как базовая ценность.

В Новое время ядро мирового технологического развития, сосредоточенное обычно в небольшом круге стран, переместилось в Англию, Францию, Германию, впоследствии к ним присоединились США, что вполне укладывается в логику циклов глобальной истории, ее основных тенденций.

Одной из них и является чередующееся доминирование Востока и Запада при переходе от одного цикла к другому. К примеру, уже сейчас появляются признаки будущего доминирования Востока в лице Японии, Китая, Индии, которые рассматриваются как главные державы XXI в. Концепция множества модернов (Ш. Айзенштадт) считает расхождение в модернизации разных стран закономерным и отвергает единый образец. Сегодня вопрос о том, способно ли технологическое и политическое развитие Запада снова стать образцом для отдельных стран и глобального мира, уже не дискутируется.

Современная европейская модернизация, которую приверженцы "рефлексивных" социальных изменений (У. Бек, Э. Гранд, С. Лаш) приписывают действию специфических эндогенных факторов, логике "осознанного" собственного развития, есть на самом деле следствие экзогенного диффузионного влияния множественности неевропейских модернов. Как отмечает А. Г. Франк, "так называемая европейская гегемония в мировой системе времен модерна установилась довольно поздно, была неполной и никогда не была однополярной. В действительности, на протяжении эпохи 1400-1800 гг., которая рассматривалась как период "европейской экспансии" и "первоначального накопления", мировая экономика все еще находилась преимущественно под азиатским влиянием. Китайская империя времен правления династий Мин и Цинь, государства Османов, Моголов и Сефевидов были экономически и политически чрезвычайно могущественными vis-à-vis Европы. Азиатские страны начали утрачивать свое преимущество только в конце этого периода и по

его завершении. Поэтому мировая система модерна подпадала под действие азиатской гегемонии, а не европейской <...> Более того, вопреки мифологии современного происхождения, Азия имела в своем распоряжении соответствующие технологии и разветвленные экономические институты. Как следствие, центр накопления и власти в мировой системе модерна долгое время оставался постоянным. Китай, Япония и Индия были общепризнанными лидерами, а Юго-Восточная и Западная Азия находились недалеко от них"⁸.

Для великих правителей Востока Европа была далекой окраиной, населенной народами, еще недавно пребывавшими в состоянии варварства. Европейские государства не могли сравниться с империями Востока ни размерами, ни населенностью. "В конце XVIII в. Азия, где проживало 66% населения земного шара, производила 80% мирового ВВП, в то время как 20% ВВП, приписываемых Европе, включают вклад населения Северной Америки и рабов-африканцев. Даже после индустриальной революции в Европе в 1860 году вклад в мировой ВВП тех стран, которые сегодня относят к третьему миру, составлял 60%; на страны будущего первого мира приходили остальные 40%"⁹.

По сравнению со Стамбулом, Дели, Багдадом Париж и Лондон казались небольшими провинциальными городами, а самым богатым венецианским и гентским купцам было далеко до индийских купцов из Гуджарата. Восточные изделия (шелка, батисты и муслины) намного превосходили европейские ткани, и когда Васко да Гама нашел морской путь в Индию, то оказалось, что на Западе нет товаров, которые можно было бы предложить Востоку. Даже оружие Востока в те времена было лучше, чем на Западе. Восток был родиной артиллерии, именно там появились аркебузы. Преимущество в военных технологиях принадлежало Востоку до XVI в. Китай использовал порох в военном деле с XI в., Европа – с XIII-го. Но к началу XVI в. европейцы располагали эффективнейшей артиллерией, как полевой, так и морской, что позволило им установить частичный контроль над финансовыми и торговыми потоками Азии. Однако завоевание монголами Китая или турками Армении никем не рассматривается как признак их цивилизационного превосходства. Кроме того, преимущества европейцев были недолговременными, поскольку азиатские страны оперативно перенимали западные технологии.

Государства Востока вызвали восхищение европейцев своей организацией, дисциплиной чиновников, богатствами казны, мощью регулярных армий. В Китае, Японии, Иране государство массово инвестировало в развитие и поддержку материальной инфраструктуры общества – дорог, каналов, ирригационных работ, в управление экономикой, поощряло торговлю и защищало национальные интересы, в том числе военной силой. Все это свидетельствует о неадекватности концепции "восточного деспотизма", не способного содействовать экономическому развитию. Об идентичности институционального оформления коммерческой деятельности на Востоке и Западе, между которыми больше схожести, чем различий, Ф. Бродель пишет: "Всюду, от Египта до Японии, мы найдем настоящих капиталистов, оптовых торговцев, рантье, также тысячи их сотрудников, агентов, брокеров, особ, которые занимались

⁸ Frank A. G. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, 1998, p. 166.

⁹ Ibid, p. 174.

обменом денег и банкиров. С точки зрения техник, которые использовались, возможностей и гарантии обмена, любая группа этих купцов выдержала бы сравнение со своими западными коллегами¹⁰.

Модернизации параллельны заимствованиям победителями культуры и традиций покоренных народов (усвоение Александром Великим персидских порядков; исламизация турок-сельджуков; введение Чингисханом китайской системы переписей, налогообложения и государственных чиновников).

Английский парламентаризм также по природе своей не оригинален. Английская буржуазная революция XVII в. имела целью модернизацию по голландскому образцу. К тому времени в Голландии парламент назначал исполнительную власть уже почти столетие.

Примером экономической модернизации и качественной перестройки инфраструктуры служит реформа в Китае, заимствовавшей у соседнего Анкора в IX в. технологию выращивания заливного риса. Это позволило преодолеть предел численности населения в 60 млн. человек, при котором прежде начинались голод и социальные потрясения¹¹. Замена преимущественно культивируемой до того пшеницы вьетнамским рисом привела страну к экономическому процветанию и всплеску фундаментальных открытий¹². Дж. Нидгем утверждал, что "мир больше задолжал ремесленникам древнего и средневекового Китая, чем александрийским механикам"¹³. В свою очередь Китай послужил примером для политических реформ в соседних странах. Китайская экзаменационная система при назначении чиновников вызвала преобразования государственного управления в Корею, Вьетнаме, Японии.

Устойчивость социокультурного компонента отразила общую историческую традицию цивилизационного взаимодействия: подчинение любых заимствований целям и задачам национального существования. Так, в свое время заимствование буддизма не привело к "индианизации" Китая. В VII в. н. э. уже Япония импортировала китайскую культуру и подчинила её основам своей цивилизации. Взаимодействуя с внешним миром, и китайская, и японская культуры сохраняли свой самобытный характер.

Процессы культурного заимствования принимали разнообразные формы, разнообразными же являлись объемы привнесений, их сущностное содержание, дальнейшее использование в общественной практике, мотивация преобразований. Например, изобретение в конце III в. н. э. седла и стремени в Корею осталось событием национального масштаба¹⁴. Но, попав в руки кочевников, оно сделало степную конницу непобедимой и породило волну завоеваний, послуживших причиной Великого переселения народов в V в. н. э. и падения Римской империи.

Применение большого валлийского лука принесло английским войскам победу в битвах при Кресси (1346) и Пуатье (1356), дав решающее преимуще-

¹⁰ **Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв., т. I. М., СПб., 2006, с. 230.

¹¹ **Нефедов С. А.** О теории демографических циклов // Экономическая история. Обзор. Выпуск 8. М., 2002, с. 116–120.

¹² См. **Крюгер Р.** Китай. Полная история Поднебесной. М., 2007, с. 287.

¹³ **Needham J.** Science and Civilization in China. Vol. 6, Cambridge University Press, 2000, p. 193.

¹⁴ См. **Нефедов С. А.** История средних веков. М., 1996, с. 111.

ство в локальной Столетней войне с Францией. Изобретение же монголами в XIII в. дальнбойного лука-"саадака", стрела из которого с 400 метров пробивала броню, стало причиной катастрофы планетарного масштаба, приведшей к гибели многих цивилизаций.

В контексте определяющего значения социокультурного компонента в отношении инноваций корректным представляется пример с ракетным оружием. Изобретенное в Китае еще в средние века, оно не получило своевременного развития и применения. Но, будучи перенесенной на почву западной цивилизации, эта идея нашла подходящую экологическую нишу.

Анализ опыта вызванных экзогенным воздействием на локальные системы социальных изменений позволяет сделать следующие выводы.

В русле цивилизационной парадигмы цивилизация рассматривается как локальное историческое образование, чья сущность сводится к специфике социокультурного кода, который расшифровывается как константа национального сознания. Цивилизации различаются доминантными формами социальной интеграции или, иначе, цивилизационными матрицами, представляющими собой базовые, наиболее древние основы современной цивилизации. С разрушением матрицы начинается гибель цивилизации. Данные матричной культуры, запечатленные в сознании людей на уровне их генетической культуры, проявляются как специфические черты, присущие только этому народу. Они оказывают влияние на вектор развития общества, определяя способы использования заимствованных фундаментальных открытий, уровень распространения инновационных привнесений, принятие или отторжение культурных новшеств.

Любая инновация – результат заимствования в ходе межцивилизационного взаимодействия. Она становится достоянием конкретной культуры, лишь встраиваясь в наличные локальные системы норм и традиций. Речь идет, прежде всего, о различном соотношении традиций и инноваций, актуализируя вопрос о специфике способов введения инноваций в традицию, о разных технологиях нововведений. Социокультурный код задает различные механизмы дифференцирования (фрагментации) и интегрирования массивов знания и культурного опыта, способы их доведения до потребителей, а главное, различные механизмы трансмутации – появления новых элементов или модификации наличных, что меняет в том числе и механизмы преемственности наследуемых обстоятельств и закрепляющие их способы деятельности.

Идентификация источников динамики азиатских обществ, переоценка ценностей в рамках социологического теоретизирования о социальных преобразованиях создаст предпосылки для преодоления антиномичного мышления: европоцентризм *versus* востокоцентризм. Применение такой методологии социальных преобразований позволит избежать бездумного копирования инородных образцов, неорганического привнесения недееспособных в локальной среде заимствованных институций, позволит социальному конструированию быть позитивно результативным, а не сводиться к проявлениям социальной мимикрии. Осознание современным обществом естественного существования разнородных культур приведет к пониманию того, что никакая особая культура не может быть высшей целью человеческой деятельности и объективно развернет трансформационные процессы современности в сторону решения

национальных задач, продвигаясь путем, который соответствует ее историческим, политическим и культурным традициям.

ՎԱՐԴԳԵՍ ՊՈՂՈՍՅԱՆ – Արտածին սոցիալ-մշակութային ազդեցությունը (պատմահամեմատական վերլուծություն) – Հենվելով առանձին քաղաքակրթությունների բազմազանության, պատմական փորձի և համալիր համակարգերի ուսումնասիրության վրա՝ հեղինակը դիտարկում է արդիականությունը որպես սոցիալական համակարգերի կայունության ապահովման գործոն: Մակրոսոցիոլոգիական քննախոսությունն ու համեմատական մոտեցումը թույլ են տալիս դիտելու արդիականացումը որպես պատմության սոցիոլոգիայի նորմատիվային հասկացություններից մեկը՝ բնաշրջման, հեղափոխության և կոնվերգենցիայի հասկացությունների հետ միասին, իբրև պատմասոցիալական գործընթացի միասնական բաղադրատարր:

Տարբեր հասարակություններ ունեն ավելի շուտ տեխնոլոգիական նմանություն, սակայն յուրաքանչյուր առանձին հասարակության սոցիալ-մշակութային բաղադրատարրը կայուն է և յուրահատուկ: Այս հանգամանքը պայմանավորում է նաև տվյալ հասարակության փոխակերպումը՝ հանդես գալով որպես յուրահատուկ ժառանգականություն: Պատմության ուսումնասիրությունների համակարգում սոցիալ-մշակութային բաղադրատարրերի կայունությանն անդրադառնում են քաղաքակրթությունների միջև փոխհարաբերությունների ուսումնասիրման շրջանակներում: Կոնկրետ հասարակության սոցիալ-մշակութային բաղադրատարրերի կայունությունը որպես համակարգաստեղծ գործոն միտված է ապահովելու հասարակական համակարգի կայունությանը: Այս տեսանկյունից հասարակության արդիականացումը որոշակի չափանիշների շտկման և հստակեցման միջոցով պետք է ուղղված լինի համակարգի կայունության ամրապնդմանը:

VARDGES POGOSYAN – Exogenous socio-cultural influence (comparative-historical analysis). – Considering the diverse nature of separate civilizations, historical experience and the study of complex systems, the author believes modernization to be a factor of social system stability. From the perspective of macro-sociological discourse and comparative approach, modernization is regarded as a normative category of historical sociology, an integral component of socio-historical process, along with evolution, revolution, and convergence.

Though societies can share homogeneous technological features, the socio-cultural component inherent in a certain society is constant and unique. As a genetic factor, it conditions the process of transformation in the society. Within the framework of historical studies, the stability of socio-cultural ingredients is regarded in parallel with the studies of relations between civilizations. This type of stability, as a system-generating component, aspires to keep a homeostasis, a condition of relative stability in the society. In this respect, society modernization can contribute to social stability.